
Динамика вступления в материнство в современной России

А.О. МАКАРЕНЦЕВА*

***Алла Олеговна Макаренцева** – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, makarentseva-ao@ganepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0091-7532>

Цитирование: Макаренцева А.О. (2022) Динамика вступления в материнство в современной России // Мир России. Т. 31. № 1. С. 162–182. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-162-182

Аннотация

Статья посвящена исследованию динамики первых рождений в контексте глобальных трансформаций демографического поведения населения. Через изучение такого частного феномена, как вступление в материнство, показаны общие явления: ценностные изменения в обществе, перспективы итоговой рождаемости и уровня бедности, вызовы демографической политики государства.

Статья начинается с описания современной теоретической и методологической рамки исследований рождаемости. Далее автор представляет наблюдаемые тенденции сквозь призму календарного и когортного подходов к анализу рождаемости. Синтез этих подходов позволяет наложить долгосрочные факторы репродуктивного поведения населения, такие как масштабные изменения образа жизни от поколения к поколению, на факторы краткосрочные, в том числе шоковые. На основе динамики годовых коэффициентов утверждается, что в настоящее время первые рождения сокращаются в возрастах их максимальной интенсивности (20–24 года и 25–29 лет). Кроме того, наверстывание отложенных деторождений среди женщин старше 30 лет до 2016 года интенсифицировалось, а на настоящем этапе замедлилось. Дальнейший анализ показывает, что для когорт 1970–1979 г. р. были характерны высокие темпы откладывания деторождения, а большие потери при наверстывании привели к относительно низким итоговым показателям рождаемости. В когортах 1980–1989 г. р. темпы откладывания были умеренными, а эффективность наверстывания достаточно хорошей. В когортах 1990 г. р. и позже снова ожидаются высокие темпы откладывания вступления в материнство. Если эти темпы у молодого поколения женщин выше, чем у предыдущего,

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2020-908).

Статья поступила в редакцию в июле 2020 г.

то понижающее давление на календарный суммарный коэффициент рождаемости неизбежно. Автор прогнозирует рост окончательной бездетности в поколениях российских женщин 1980–1990 г. р. Наконец, на фоне других стран мира показаны тенденции к дальнейшей диверсификации моделей репродуктивного поведения: в ходе изменений возрастного профиля первых рождений растет его гетерогенность.

Основным источником данных выступает международная база *The Human Fertility Database*, за период после 2014 года она дополнена данными ежегодных таблиц по Естественному движению населения Росстата.

Ключевые слова: рождаемость, первые рождения, бездетность, постарение материнства, отложенные рождения, рождаемость поколений

Введение

Для обществ с постпереходной рождаемостью особенности вступления в материнство находятся в фокусе постоянного исследовательского внимания [Balbo et al. 2013]; они серьезно влияют на итоговую рождаемость, определяют ее структуру и возрастной профиль. Для России постарение материнства – тренд не новый, но мы предполагаем, что в настоящее время идет его трансформация, о чем свидетельствует наблюдаемое в последние годы снижение суммарного коэффициента первых рождений, которое требует изучения возрастных профилей рождаемости в молодых когортах.

При исследовании характеристик вступления в материнство в современной России уже недостаточно говорить только о феномене его постарения. Наблюдаемые изменения возрастного профиля первых рождений вкупе с ростом бездетности ставят перед исследователями дополнительные вопросы. Растет или сокращается гетерогенность возраста матери при первом рождении, и что это означает? В какой мере отложенные сейчас первые рождения будут наверстаны? Наконец, в чем социально-демографические отличия самых молодых российских когорт от предыдущих поколений и как они повлияют на их репродуктивное поведение?

Постпереходная рождаемость: теоретическая и методологическая рамка

Классический демографический переход в рождаемости представляет собой модель, на первом этапе которой рождаемость стабильно высока, на втором интенсивно снижается, а на третьем должна снова стабилизироваться, но на низком уровне. Однако теория демографического перехода не дает ответ на вопрос, что происходит с рождаемостью после его завершения [Caldwell 1982].

К глобальным процессам динамики рождаемости в странах, завершивших этот демографический переход, применимы два наблюдения.

1. В некоторых странах постпереходная рождаемость оказывается на уровне, близком к простому воспроизводству поколений, тогда как в других – значительно отстает от него.

При интерпретации межстрановых различий в рождаемости существуют две исследовательские позиции. Первая отмечает процессы долгосрочной конвергенции рождаемости в силу однородности механизмов, формирующих ее в разных странах. Это позиция сторонников концепций второго демографического перехода [Lesthaeghe 2010; Lesthaeghe 2014; Lesthaeghe, van de Kaa 1986; Van de Kaa 1987], гендерного перехода [Esping-Andersen, Billari 2015; Goldscheider et al. 2015]. Вторая позиция свидетельствует о формировании различных режимов постпереходной рождаемости [Reher 1998; Wilson 2013].

2. Постпереходная рождаемость не стабилизируется в календарном измерении¹.

На современном этапе в основе нестабильности календарных показателей рождаемости зачастую лежат трансформации ее возрастного распределения. Они могут возникать как флуктуационная реакция на социально-экономические события (например, кризис 2008 г., изменения в социальной политике [Sobotka 2017]) или быть частью глобальных трендов, к которым относится тренд откладывания рождения первого ребенка, затронувший все европейские страны с самыми разными культурными и социально-экономическими условиями [Sobotka 2010]. Сторонники концепции второго демографического перехода говорят о том, что не снижение числа рождений, а их откладывание стало его основной характеристикой [Lesthaeghe, Neels 2002; Bremhorst et al. 2019]. Более того, трансформация возрастного распределения иногда выделяется в самостоятельную стадию демографического перехода в рождаемости (postponement transition)². В целом глобальное постарение материнства связывают с распространением контрацептивных практик, увеличением длительности получения образования и расширением участия женщин на рынке труда [Billari et al. 2006; Frejka, Sardon 2007; Kolher et al. 2002; Sobotka 2004].

На рубеже XX–XXI вв. многие развитые страны испытали снижение годовых уровней рождаемости до экстремально низких значений, затем последующее их повышение (в разных странах до разного уровня) и новое синхронное снижение (примерно с 2010 г.). Достижение экстремально низких значений рождаемости привело к выдвижению ряда теоретических концепций, каждая из которых выясняла соотношение сил между эффектами маятниковых механизмов календаря рождений (темпо) и количественного снижения (квантум). В контексте обсуждения динамики первых рождений нам интересны две концепции.

Гипотеза ловушки низкой рождаемости [Lutz et al. 2006; Lutz 2008] предполагает, что если сверхнизкая рождаемость устанавливается хотя бы на несколько лет, то это влияет на репродуктивное поведение поколения, затронутого этим периодом. Влияние обусловлено действием трех факторов: (1) демографической инерции, ведущей к уменьшению количества женщин в репродуктивном возрасте и, таким образом, к меньшему числу рождений; (2) изменений в репродуктивных нормах, связанных с опытом низкой рождаемости в окружении, которые люди наблюдали в детском возрасте; (3) опасений по поводу будущих доходов в сочетании с высокими притязаниями, что заставляет людей считать детей непозволительной роскошью. Авторы рассматривали некоторые страны Восточной Азии, такие как

¹ Здесь и далее «календарная рождаемость», «календарное измерение» отражают более распространенный в русскоязычной литературе термин «рождаемость в условных поколениях».

² Термин введен в [Kohler et al. 2002].

Южная Корея, как потенциально попавшие в эту ловушку. Мы полагаем, что поколение, рожденное в 1990-х гг. в России, также является поколением ловушки низкой рождаемости.

В процессе критического обсуждения гипотезы ловушки низкой рождаемости была выдвинута когортная концепция откладывания/наверстывания [Sobotka et al. 2011b], которая утверждает, что календарное падение рождаемости носит временный характер и вызвано сдвигом деторождения в старшие возрастные группы, а в когортном измерении итоговое число рожденных детей меняется незначительно³.

Для постпереходной низкой рождаемости характеристики старта материнства приобретают большое значение. На макроуровне отрицательная зависимость итоговой рождаемости от возраста матери при рождении первого ребенка была подтверждена уже давно [Morgan, Rindfuss 1999; Kohler et al. 2002], однако в ряде стран с течением времени негативный эффект возраста ослабевал (например, в Дании, США, см. [Kohler et al. 2002]). На микроуровне чаще подтверждается, что женщины, которые вступают в материнство раньше, имеют больше детей [Morgan, Rindfuss 1999; Kohler et al. 2002]. Происходит это не потому, что возраст при рождении первенца напрямую влияет на итоговое число рождений, а потому, что в современном обществе выбор возраста старта материнства определяется теми же факторами, что и последующий выбор при принятии решения о рождении каждого ребенка. Во-первых, те, кто планируют иметь много детей, определяют приоритет деторождения как высокий и, соответственно, менее склонны его откладывать. Во-вторых, сказывается механизм последовательного принятия решений: отказ от рождения ребенка в настоящий момент времени приводит к получению индивидом альтернативного опыта жизни, который в свою очередь может менять дальнейшие репродуктивные планы. Другими словами, откладывание само по себе становится причиной откладывания и вероятного отказа от рождения детей. Уже довольно давно доказано, что предпочтения в отношении числа детей не устанавливаются единожды в начале взрослой жизни [Nambodiri 1972; Monnier 1987 цит. по Goldstein, Lutz, Testa 2003], а меняются на всем ее протяжении под влиянием matrimониальных событий, экономических факторов, после рождения каждого ребенка и в целом по мере развития личности человека. Так, итоговая бездетность гораздо чаще является результатом последовательности решений отложить рождение ребенка, нежели единожды принятым решением никогда не иметь детей [Rindfuss et al. 1988]. Таким образом, современный взгляд на репродуктивное поведение представляет его последовательностью решений в каждый момент времени. Это представление тесно взаимосвязано с развитием методологического аппарата анализа рождаемости.

Классический инструментарий демографического анализа, сложившийся во второй половине XX в., отвечал условиям нехватки детализированных данных и отсутствия доступных вычислительных мощностей [Hobcraft et al. 1985]. Суммарные, средние, стандартизированные показатели в настоящее время во многих областях социальных наук уступили место многомерным техникам анализа и визуализации данных. Происходит это и в демографии: так, анализ событий и последовательные модели хорошо подходят для представления процессов рождаемости

³ Ее терминология иногда подвергается критике, т. к. на этапе «откладывания» неизвестно, когда и в какой мере состоится «наверстывание» [Ni Bhrolcháin, Toulemon 2005].

как цепочки решений о рождении или нерождении ребенка. Во-первых, рождения детей – события необратимые, неповторяющиеся (с учетом очередности) и разделенные во времени; а во-вторых, репродуктивный период в жизни женщины довольно жестко ограничен по времени [Namboodiri 1972]. Концепция откладывания/наверстывания деторождения находится в канве методологического подхода «анализ жизненного пути», базовый принцип которого предполагает, что наступление или ненаступление события в момент времени t имеет последствия в момент времени $t + 1$ ⁴. Таким образом, современные теоретические и методологические подходы оказываются тесно переплетенными.

Методы и источники данных

Рождаемость может быть проанализирована как в календарном, так и в когортном представлении, при этом ее измеряют разными способами, ни один из которых не отвечает сразу всем целям измерения [Sobotka, Lutz 2010]. Для анализа тенденций текущего периода незаменим суммарный коэффициент рождаемости (СКР), несмотря на его недостатки [Sobotka, Lutz 2010]. Календарный взгляд на рождаемость подчеркивает идею о том, что внешние факторы равнонаправленно и одновременно воздействуют на рождаемость женщин из разных поколений. Это касается как социально-экономических интервенций (кризисов или государственной политики), так и ценностных трансформаций в обществе. Например, открытие железного занавеса повлияло на ценностные установки всего населения России, хотя это влияние менялось в зависимости от возраста. Более того, нет таких факторов, которые в тот или иной момент времени касались бы только одного поколения (даже если это мера стимулирования рождаемости женщин конкретной возрастной группы, поскольку действуют механизмы социального заражения и долгосрочного планирования). Таким образом, именно комбинация календарных факторов создает уникальный путь каждой когорты женщин и их репродуктивной истории [Ryder 1965; Cherlin 1991].

Отталкиваясь от погодовой динамики рождаемости, мы переходим к ее когортному представлению. В рассмотрение попадают когорты женщин 1960–1994 г. р. Для анализа тенденций в реальных поколениях выполнено погодное суммирование возрастных коэффициентов рождаемости, относящихся к опыту деторождения каждой когорты; используется метод сравнения с референтной когортой, предложенный в [Sobotka et al. 2011b]. Это распространенный методический подход в рамках концепции откладывания/наверстывания, при котором накопленные к каждому возрасту коэффициенты рождаемости (суммарные общие и по порядку рождения) приводятся в отношение к одной когорте. Референтная когорта выбирается произвольно, чаще всего это одна из первых пяти испытавших повышение среднего возраста матери при рождении ребенка. В данном случае когорта 1970-х г. р. выбрана таковой как одна из последних, кто следовал «молодой модели» рождаемости [Фрейка, Захаров 2014]. Когортный подход к исследованию изменений возрастного распределения рождаемости широко используется западными исследователями [Bosveld 1996; Frejka, Calot 2001; Frejka, Sardon 2004; Lesthaeghe 2001].

⁴ Более подробно см. [Тындик, Митрофанова 2014].

Основной из используемых в работе источников данных стала международная база *The Human Fertility Database* (HFD)⁵, содержащая информацию по порядку рождения условных (до 2014 г.) и реальных (до 1974 г. р.) поколений женщин. Данные за 2015–2019 гг. взяты из ежегодных таблиц по Естественному движению населения Росстата (ЕДН)⁶ и обработаны автором.

Динамика первых рождений до 2019 г.

Максимум суммарного коэффициента рождаемости в современной России был отмечен в 2015 г. (1,78 ребенка), но к 2019 г. он значительно сократился (до 1,51 ребенка). Суммарный коэффициент первых рождений составил в 2019 г. 0,65 ребенка в среднем на женщину. Это падение кажется особенно резким на фоне 2010–2015-х гг., когда он колебался вокруг относительно высокого уровня (0,8 ребенка). Такой низкий показатель первых рождений наблюдался в России лишь единожды – в 1999 г. на «дне» нисходящего тренда рождаемости. Суммарный коэффициент вторых рождений в России начал снижаться с 2016 г. и в 2019 г. составил 0,53 ребенка. Вклад третьих и последующих рождений в 2019 г. составил 0,33 ребенка (рисунок 1).

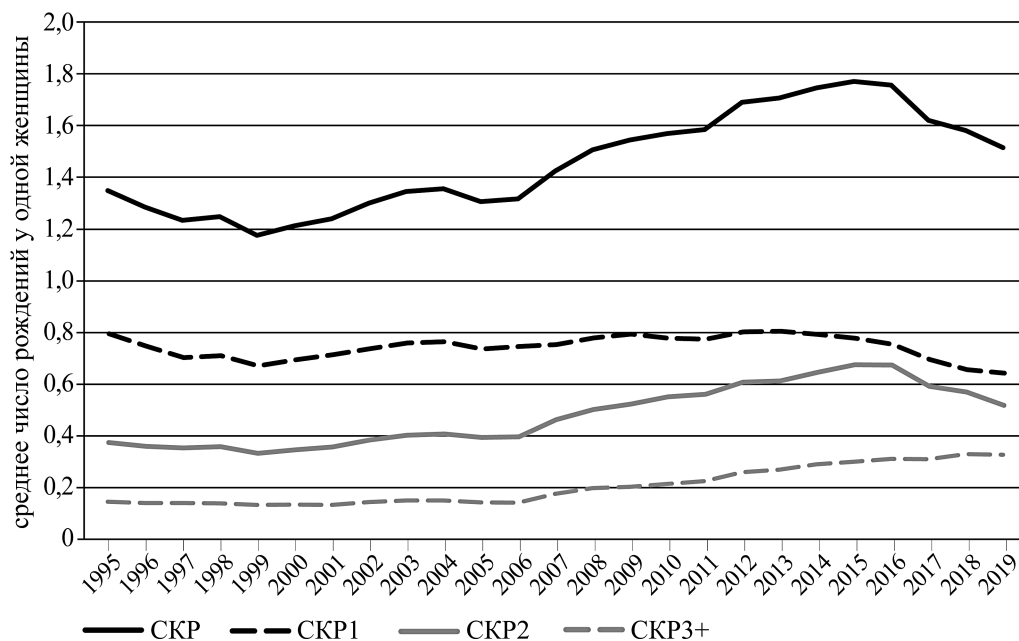

Рисунок 1. Динамика суммарных коэффициентов рождаемости, общего и по порядку рождения, 1995–2019 гг.

Источник: HFD, ЕДН

⁵ <https://www.humanfertility.org/>, дата обращения 10.10.2021.

⁶ <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269>, дата обращения 10.10.2021.

Как отмечалось выше, в современном демографическом контексте суммарные коэффициенты теснее связаны с изменениями репродуктивного календаря, чем с изменениями в итоговом числе рождений. Их рост происходит тогда, когда женщины старших репродуктивных возрастов «наверстывают» ранее отложенные рождения, а среди женщин младших репродуктивных возрастов интенсивность откладывания деторождения по сравнению с предыдущими поколениями затормаживается [McDonald, Kippen 2011]. Это не всегда означает омоложение рождаемости среди последних поколений, достаточно замедления темпов ее старения. Снижение же календарных показателей, как правило, теснее связано с переносом деторождения на будущее, нежели с полным отказом от него.

Скачки календарных показателей также могут быть реакцией на шоковые факторы. В ряде работ было показано, что экономические кризисы часто приводят к «паузе в беременностях», и прежде всего это касается рождений первого ребенка среди молодых женщин; впоследствии они начинают наверстывать [Neels et al. 2013].

Какой была социально-экономическая канва в рассматриваемом периоде времени? Связь между экономическим развитием и рождаемостью в эти годы вполне можно назвать проциклической (таблица 1). Однако глубина падения рождаемости первых детей после 2016 г. сопоставима только с падением во второй половине 1990-х гг. Это выходит за рамки экономически обусловленных отсрочек рождения детей и связано, по-видимому, с более глубокими трансформационными процессами. Вместе с тем можно говорить о грядущей «паузе в беременностях» в связи с пандемией коронавируса COVID-19, которая затронет преимущественно когорты первой половины и середины 1990-х г. р.

Таблица 1. Экономический событийный ряд в 1995–2020 гг.

Период	Социально-экономическая канва	Когорты на пике первых рождений
1995–1999	Экономическая рецессия, кризис 1998 г.	1972–1976
2000–2008	Реформы, экономический рост	1976–1984
2007	Введение активной демографической политики, пронаталистского дискурса в России	1983
2008–2009	Мировой финансовый кризис	1984
2010–2014	Восстановительный рост и экономическая стагнация	1985–1989
2014	Присоединение Крыма, введение санкций, падений цен на нефть, девальвация рубля	1989
2015–2019	Экономическая рецессия	1990–1993
2020–2021	Экономические последствия пандемии коронавируса COVID-19	1992–1995

Рассмотрим более подробно динамику возрастных коэффициентов первых рождений. С 2015 г. (а с 2016 г. – резко, рисунок 2) снижаются коэффициенты первых рождений в «пиковой» возрастной группе 25–29 лет. На рисунке 3 (стр. 171) эта линия после 2015 г. идет параллельно линиям, соответствующим возрастам «20–24 года» и «15–19 лет». Это важное отличие от предыдущих периодов снижения рождаемости. Если в 1990-х гг. снижение возрастных коэффициентов первых рождений касалось почти исключительно младших репродуктивных возрастов (моложе среднего), то сейчас это не вполне так. При среднем возрасте матери при первом рождении в 25,9 года снижение возрастных коэффициентов первых рождений в настоящий момент затрагивает возрасты вплоть до 33 лет. Такое снижение может быть результатом специфического накладывания когортных возрастных профилей рождаемости и последствием влияния экономических факторов на календарные показатели рождаемости в 2010-х гг.

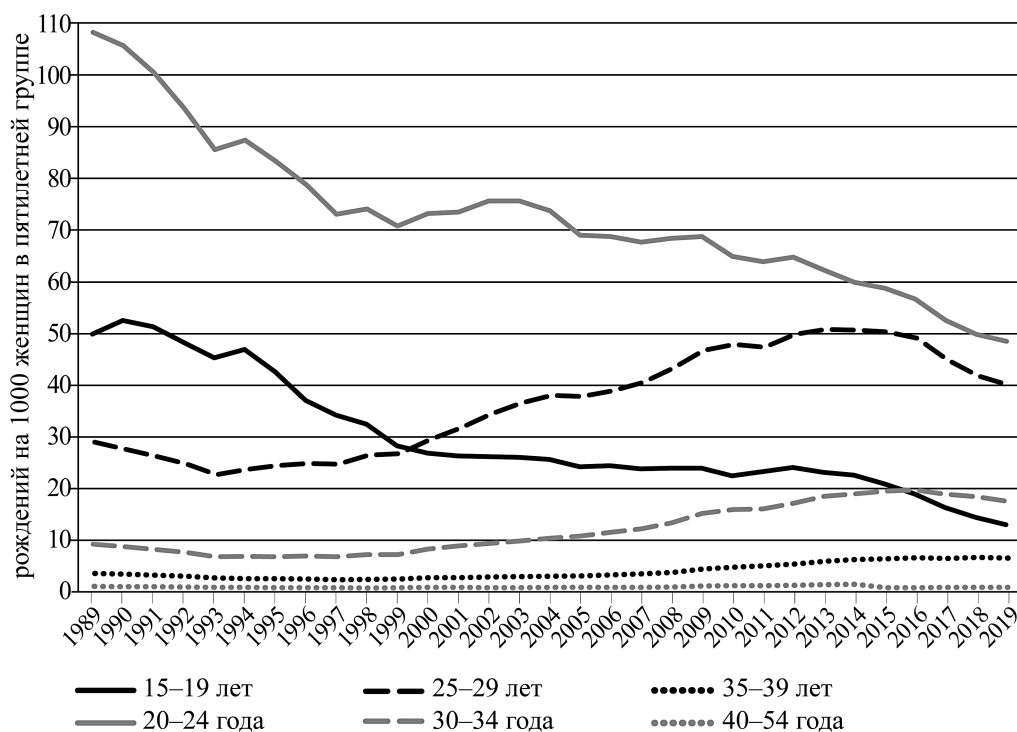

Рисунок 2. Возрастные коэффициенты рождаемости по первым рождениям, 1990–2019 гг.

Источник: HFD, ЕДН.

Также следует отметить, что в терминах возрастных коэффициентов процессы наворачивания рождаемости могут идти двумя путями: либо за счет восстановления высоты пика, либо за счет увеличения его ширины. Когда замедление

падения возрастных коэффициентов рождаемости в премодальных возрастах накладывается на рост возрастных коэффициентов в постмодальных возрастах, происходит намерстывание по типу увеличения ширины пика кривой рождаемости. Этот путь был характерен для России до 2016 г. (*рисунок 5*, стр. 174).

Таким образом, календарные показатели подводят к следующим выводам. Во-первых, первые рождения сокращаются сейчас в возрастах их максимальной интенсивности. Во-вторых, намерстывание отложенных деторождений среди женщин старше 30 лет до 2016 г. интенсифицировалось, а теперь замедлилось. Вероятно, продолжается не только перенос пика репродуктивных возрастов, но и дальнейшая диверсификация моделей репродуктивного поведения.

На основе суммарных коэффициентов первых рождений нельзя сказать, сколько насчитывалось бездетных женщин к началу наблюдаемого года, а сколько уже имели одного ребенка. Аналогичным образом календарный показатель среднего возраста матери при рождении первого ребенка не учитывает изменения в пропорциях родивших и не родивших первенца в каждом году. Поэтому для дальнейшего анализа динамики вступления в материнство современных женщин в России требуется обратиться к когортному анализу.

Динамика первых рождений в когортах 1960–1990-х г. р.

Процесс разворачивания рождения первых детей в разных поколениях на протяжении всего их репродуктивного периода представлен на *рисунке 3*. Подобное представление, в отличие от анализа средних, позволяет анализировать поведение не только тех когорт, которые уже закончили свой репродуктивный период, но и тех, чьи истории еще не завершены. Чем круче наклон у кривой на *рисунке 3*, тем интенсивнее набираются первые рождения. По оси *У* показаны накопленные первые рождения на 1000 женщин каждого поколения, соответственно, коэффициент не может превышать 1000, а разница отражает долю бездетных женщин в каждом возрасте. С целью упрощения чтения графика отображаются не все когорты.

В когорте женщин 1960-х г. р., поведение которой соответствует модели раннего и всеобщего деторождения, «набор» первых рождений становится резким с 18 лет, а к 25 годам реализуется уже более 80% всех событий. На возраст после 30 лет приходится менее 5% первых рождений, а в 49 лет 949 из 1000 женщин этого поколения имеют хотя бы одного ребенка.

Когорта женщин 1970 г. р. немного интенсивнее набирает первые рождения в возрасте до 23 лет, однако потом (1993 г.) резко замедляется, и уже после 26 лет идет параллельно когорте 1960 г. р. Этой когорте свойственна прежняя модель репродуктивного поведения, и потому почти нет намерстывания «упущенных» рождений в возрасте 23–26 лет. В итоге в 47 лет⁷ 923 женщины из 1000 родили хотя бы одного ребенка, и уровень поколения 1960 г. р. достигнут не будет.

Когорта женщин 1975 г. р. относительно интенсивно проживает первые рождения в самых ранних репродуктивных возрастах, после чего ее рождаемость

⁷ Здесь и далее данные по когортам цензурированы, т. е. урезаны справа (они еще не закончили репродуктивный период). Приводится последняя точка наблюдения.

замедляется очень сильно (в 1994–2000 гг.). После 26 лет женщины этой когорты несколько наверстывают отложенные рождения, сокращая отставание от когорты 1970 г. р. Тем не менее здесь в 42 года только 887 женщин из 1000 имеют хотя бы одного ребенка. В этой когорте в самых поздних репродуктивных возрастах еще состоится небольшое число первых рождений, однако уровень предшествующей когорты достигнут не будет. Другими словами, окончательную бездетность в этой когорте можно считать на уровне 11%.

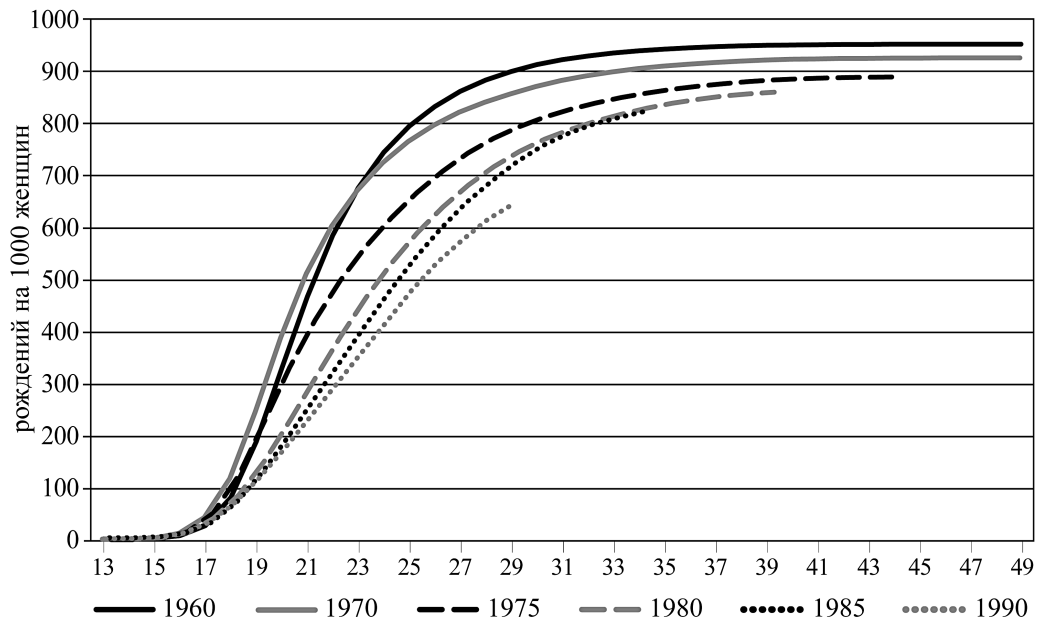

Рисунок 3. Кумулятивные возрастные коэффициенты по первым рождением для женщин 1960–1990 г. р., на 1000 женщин

Источник: до 2014 г.: данные the Human fertility database; 2015–2019 гг.: расчеты автора на данных о Естественном движении населения Росстата

В дальнейших когортах старт рождаемости все более замедляется, а наверстывание становится более «эффективным». Когорты женщин 1981–1987 г. р. в итоге к последнему моменту наблюдения уже имеют итоговые показатели по первым рождением выше, чем в когорте 1980 г. р. и могут догнать когорту 1975 г. р. При этом для когорт 1985–1988 г. р. кривые практически совпадают, что говорит о приостановке откладывания первых рождений в них.

Начиная с когорты женщин 1989 г. р. наклон кривой снова становится более пологим, а значит, откладывание первых рождений усиливается. К 30 годам (последняя точка наблюдения) всего 702 из 1000 женщин 1989 г. р. родили первого ребенка. Другими словами, уже 30% женщин этой когорты отложили материнство за 30-летний рубеж.

Еще более наглядно накопление первых рождений женщинами разных поколений представлено на *рисунке 4*, где использован метод сравнения с референтной когортой (*benchmark cohort*). Периодом «откладывания» называют возрастную интервал до точки «дна», «наверстыванием» – после. Видно, что точка «дна» переместилась с отметки «22 года» (для когорт начиная с 1976 г. р.) на отметку «23 года» только в когорте 1989 г. р. Наверстывание первых рождений в когортах 1980-х г. р. интенсивнее всего происходило в возрасте 24–29 лет. Все это говорит о том, что вступление в материнство в России все еще довольно раннее. Наверстывание в когортах 1988–1990 г. р. пока выглядит неэффективным: либо оно значительно ускорится после 30 лет, а этот сценарий в современных условиях представляется не слишком вероятным, либо эти когорты будут иметь относительно высокие уровни окончательной бездетности (до 15%).

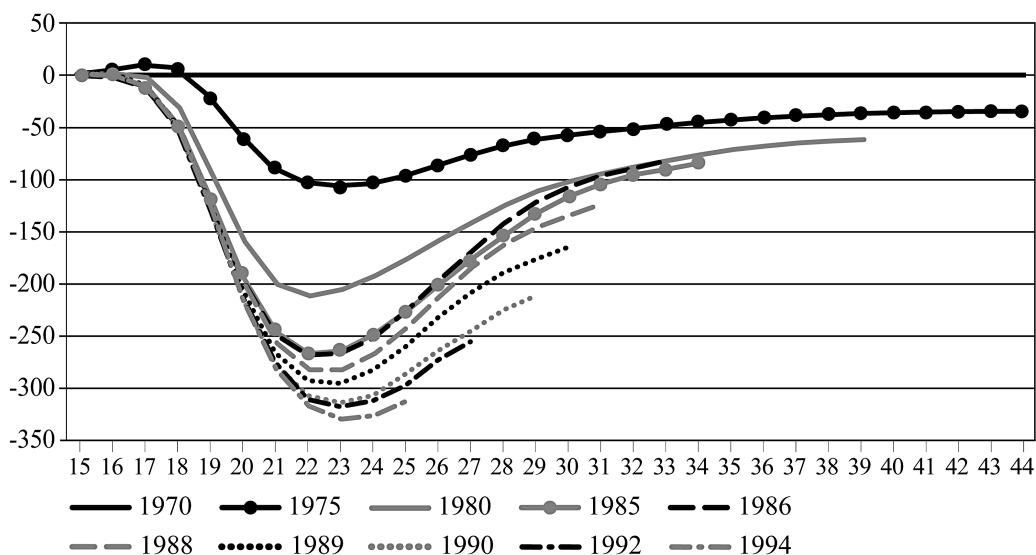

Рисунок 4. Отличия значений возрастных кумулятивных коэффициентов по первым рождениям для женщин поколений 1970–1994 г. р. от значений для поколения 1970 г. р.

Источник: HFD, ЕДН.

Таким образом, для когорт 1970–1979 г. р. были характерны высокие темпы откладывания деторождения, а большие потери при наверстывании привели к относительно низким итоговым показателям рождаемости. В когортах 1980–1989 г. р. темпы откладывания были умеренными, а эффективность наверстывания достаточно хорошая. В когортах 1990 г. р. и позже снова ожидаются высокие темпы откладывания вступления в материнство. Если эти темпы у молодого поколения женщин выше, чем у предыдущего, то понижающее давление на календарный суммарный коэффициент рождаемости неизбежно.

Ранее в качестве объясняющих факторов календарных изменений рождаемости были предложены экономические события в наблюдаемом периоде. Какие объяснения дает когортное представление?

В период крупных политических, социальных и экономических изменений репродуктивное поведение быстро меняется от одного поколения к другому [Frejka, Sobotka 2008]. Сравнивая когорты европейских женщин, рожденных в первой половине 1970-х гг., их второй половине и в 1980-х гг., Т. Фрейка отмечает, что условия на старте их материнской карьеры крайне различались; в еще большей степени это применимо к рассматриваемым нами когортам российских женщин.

На смену небольшому поколению 1970-х г. р. пришло более многочисленное поколение 1980-х г. р. (гребень демографической волны, усиленный пронаталистской политикой), а на его смену – маленькое поколение 1990-х г. р. (нижняя часть демографической волны, совпавшая с социальным кризисом). Численность поколения оказывает влияние на конкуренцию в экономической сфере (за образование и рабочие места) и через эти факторы может влиять на характеристики старта материнства.

В социологии поколений принято считать «формативным» возрастом юность и молодость в интервале 17–25 лет, опыт социализации в котором оказывает фундаментальное влияние на всю оставшуюся жизнь [Хауэн 2006]. Однако для исследования репродуктивного поведения период детства не менее важен. Наличие братьев и сестер, главенствующая модель семьи в социальном окружении, опыт развода родителей – все это оказывает на него значимое влияние [Rijken, Liefbroer 2009]. Воздействие демографического контекста детства отражено, в частности, в упомянутой выше гипотезе «ловушки низкой рождаемости» [Lutz et al. 2006]. Взросление в малодетном обществе в совокупности с завышенными экономическими ожиданиями являются факторами сверхнизкой рождаемости, которые вполне характерны для российских когорт 1990-х г. р.

Наконец, брачно-партнерское поведение продолжает меняться от поколения к поколению. Матримониальное поведение оказывает непосредственное влияние на индивидуальные репродуктивные биографии и отражается на репродуктивном портрете всего поколения. Если в отношении когорт 1970-х г. р. говорили о росте числа разводов и распространении повторных браков, то для когорт 1980-х г. р. стало характерно массовое распространение незарегистрированных первых браков, пробных союзов. В самом молодом поколении пробные добрачные союзы уступают место серийным союзам (*serial cohabitation*). Практикой серийных союзов обозначают последовательность из не менее чем трех-четырех незарегистрированных браков средней продолжительности [Eickmeyer, Manning 2018]. Партнеры в таких союзах реже, чем в однократных сожительстввах, имеют брачные намерения [Brown et al. 2015] и чаще завершают отношения, нежели вступают в брак [Guzzo 2014; Lamidi et al. 2015].

На фоне мировых тенденций

Несмотря на то, что изменение возрастного профиля первых рождений наблюдается во всех странах с постпереходной рождаемостью, этот процесс принимает довольно разнообразные формы. Во-первых, его длительность определяет скорость

изменений на современной стадии. В европейских странах изменение моделей репродуктивного поведения, при котором средний возраст матери при рождении первенца начал расти, было замечено намного раньше, чем в России. В странах Северной и Западной Европы феномен откладывания деторождения появился в когортах 1940-х г. р., в странах Южной Европы – с когорты 1950-х г. р., в странах Центральной и Восточной Европы, включая Россию – с 1960-х г. р. [Frejka, Sardon 2007]. В Италии и Австрии откладывание первенцев началось в конце 1970-х гг.; в Словении – во второй половине 1980-х гг., в Венгрии и странах постсоветского блока – в 1990-х гг. Однако в ряде стран, поздно вступивших на путь откладывания, этот процесс был крайне быстрым (в Чехии, Венгрии, странах Балтики [Šprocha et al. 2018]), а в некоторых – медленным (в России, Украине, Белоруссии). Вероятно, темпы перехода в данном случае определялись скоростью трансформации ценностных установок населения.

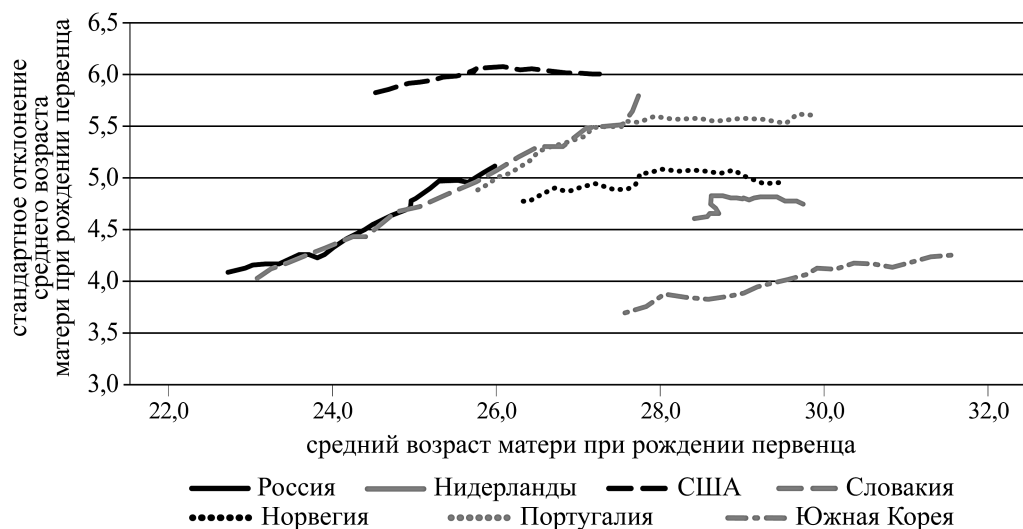

Рисунок 5. Динамика среднего возраста матери при рождении первенца и его стандартного отклонения в ряде стран в период 1995–2014/18⁸ гг.

Источник: HFD + ЕДН для России в период 1995–2018.

Во-вторых, во многих странах в ходе изменений возрастного профиля первых рождений растет его гетерогенность [Nathan, Pardo 2019]. На рисунке 5 представлена динамика показателей среднего возраста матери при рождении первенца (СВМ1, ось X) и его стандартного отклонения (ось Y) для ряда стран, включая Россию. Выбор стран обусловлен необходимостью представления разных макрорегионов (Северная, Южная, Центральная и Западная Европа, США и Азия⁹), а также доступностью данных в базе HFD.

⁸ Для разных стран наблюдаемый период завершается в разные годы в зависимости от доступности данных.

⁹ Более подробную динамику этих показателей для разных стран внутри макрорегионов можно найти в [Nathan, Pardo 2019].

В США в рассматриваемые годы СВМ1 вырос на 2,7 года, а его стандартное отклонение, будучи уже на высоком уровне, осталось почти прежним. Практически не изменился разброс СВМ1 для стран с длительной историей постарения материнства – Норвегии и Нидерландов. Схожую динамику демонстрируют Португалия и Южная Корея, в которых рост СВМ1 более чем на 4 года сопровождался умеренным ростом его стандартного отклонения. Россия и Словакия «стартовали» почти из одной точки и в одном направлении, но с разной скоростью: в Словакии к 2014 г. СВМ1 увеличился на 4,7 года, его гетерогенность выросла весьма сильно, приблизившись к показателю Соединенных Штатов; а в России к 2018 г. прирост СВМ1 составил 3,3 года, гетерогенность также возросла, но не столь значительно. Исходя из того, что материнство в России все еще заметно моложе, чем в других странах, можно ожидать его дальнейшего постарения и роста его гетерогенности с не меньшей скоростью.

Начало 2000-х гг. во многих странах ознаменовалось восстановлением календарных показателей рождаемости до относительно высоких значений, однако около 2010 г. этот восстановительный процесс прекратился. Зарубежные исследователи связывают прекращение роста рождаемости с экономическим кризисом, начавшемся в конце 2000-х гг., который затронул преимущественно молодые когорты населения и их репродуктивное поведение. Вместе с тем откладывание деторождения замедлилось к 2010 г. в когортах 1970-х и 1980-х г. р. В целом европейские когорты женщин 1980-х г. р. довольно стабильны в своем возрастном профиле рождаемости.

Заключение

Наблюдаемое снижение суммарного коэффициента первых рождений отчасти объясняется влиянием текущих экономических условий, но в большей степени оно связано с глубокими трансформационными процессами в репродуктивном поведении молодых когорт. Низкие показатели первых рождений сохранились и в 2020–2021 гг.

Материнство в России все еще довольно молодое по сравнению с европейскими странами, но имеющиеся данные уже говорят об усилении тенденций к откладыванию деторождения в когортах 1990-х г. р. по сравнению с предыдущими поколениями. Однако недостаточно говорить только о тренде постарения рождаемости. В России наблюдается полноценная трансформация возрастной модели рождаемости (*postponement transition*) с характерным набором особенностей: ростом возраста вступления в материнство, увеличением разброса возрастов старта материнства и диверсификацией возрастных моделей рождаемости, сопутствующим ростом доли окончательно бездетных женщин. Если в когортах 1980-х г. р. уровень окончательной бездетности будет в пределах 10–15%, то от когорт 1990-х г. р. его можно ожидать в коридоре 15–18%.

Повышение разброса в возрасте матери при первом рождении может интерпретироваться в рамках концепции жизненного пути, постулирующей рост неоднородности во времени всех событий в течение жизни. Это выступает как показатель увеличения личной автономии в принятии решений [Nathan, Pardo 2019]. С другой стороны, это отражает отдаление разных социальных групп населения

друг от друга. Диверсификация возрастных моделей рождаемости в России явным образом проходит по социально-географическому срезу: ключевыми факторами выступает образовательно-профессиональный статус, с одной стороны, и размер населенного пункта проживания – с другой. Вместо сдвига пика рождений к старшим возрастам происходит расширение плато и, в дальнейшем, возможно формирование двухпикового распределения.

Ранее говоря о календарных факторах, влияющих на динамику рождений, мы останавливались на экономических кризисах. Однако политика стимулирования рождаемости также способна повлиять на динамику рождений: в России с 2020 г. был введен материнский капитал на первого ребенка [Федеральный закон 2020], поэтому в завершение статьи остановимся немного на этом аспекте.

Согласно результатам предыдущих исследований, политика стимулирования рождаемости (как монетарная, так и сервисная) оказывает слабое влияние на итоговую рождаемость первенцев [Kravdal 1996; Thévenon, Gauthier 2011]. В России окончательная бездетность формируется в четырех основных группах женщин: (1) среди тех, кто не создал в течение жизни устойчивого брачно-партнерского союза; (2) среди бесплодных; (3) среди тех, кто откладывал рождение ребенка так долго, что отказался от него; (4) среди (незначительно числа) убежденных чайлд-фри – но ни на одну из этих групп введение нового материнского капитала не повлияет. От новой меры поддержки рождаемости можно было ожидать влияния на календарь рождений. Действительно, на момент введения этой меры мы ждали повышения числа рождений первых детей в пределах 50–70 тыс. рождений в год в 2021–2023 гг., однако последовавший эпидемиологический кризис и его экономические последствия перекрыли этот эффект.

В то же время материнский капитал на первенца может оказаться даже более востребованным, чем предыдущий. При рождении первого ребенка спрос на улучшение жилищных условий, на приобретение собственного жилья стоит наиболее остро. Решение этого вопроса влияет на намерения родить второго ребенка¹⁰. В связи с этим мы склонны рассматривать новую меру как продолжение политики поддержки рождения вторых и последующих детей.

Самые молодые российские когорты (1990-х г. р.) начали свой путь в сложное время социально-экономических преобразований: их детство проходило на фоне высоких масштабов бедности и массового распространения однодетных семей. Репродуктивный путь этих когорт начался в неблагоприятных экономических условиях, к которым добавился такой шоковый фактор, как пандемия коронавируса COVID-19. Эти и другие обговоренные выше предпосылки заставляют ожидать от них и более позднего материнства, и, возможно, более низкой итоговой рождаемости в целом.

Список источников

Малева Т.М., Синявская О.В. (2006) Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. № 5. С. 70–98.

¹⁰ Подробно о влиянии разных факторов на рождения первых и вторых детей см. [Малева, Синявская 2007; Синявская, Тындик 2009].

- Науэн М.С. (2006) Метод когортного анализа в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 9. № 3. С. 137–144.
- Синявская О.В., Тындик А.О. (2009) Рождаемость в современной России: от планов к действиям // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 2. М.: НИСП. С. 9–44.
- Тындик А.О., Митрофанова Е.С. (2014) Социально-экономическое поведение индивида в зеркале концепции жизненного пути // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3(121). С. 146–158. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.10
- Федеральный закон от 01.03.2020 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала» (2020) // КонсультантПлюс // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346665/, дата обращения 10.10.2021.
- Фрейка Т., Захаров С.В. (2014) Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. Т. 1. № 1. С. 106–143.
- Balbo N., Billari F.C., Mills M. (2013) Fertility in Advanced Societies: A Review of Research // European Journal of Population, vol. 29, no 1, pp. 1–38. DOI: 10.1007/s10680-012-9277-y
- Becker H.A. (1992) A Pattern of Generations and Its Consequences // Dynamics of Cohort and Generations Research (ed. Becker H.A.), Amsterdam: Thesis Publishers, pp. 221–222.
- Bosveld W. (1996) The Ageing of Fertility in Europe: A Comparative Demographic-Analytic Study, Purdue University Press.
- Bremhorst V., Kreyenfeld M., Lambert P. (2019) Nonparametric Double Additive Cure Survival Models: An Application to the Estimation of the Non-Linear Effect of Age at First Parenthood on Fertility Progression // Statistical Modelling, vol. 19, no 3, pp. 248–275. DOI: 10.1177/1471082X18784685
- Brown S.L., Manning W.D., Payne K.K. (2016) Family Structure and Children’s Economic Well-Being: Incorporating Same-sex Cohabiting Mother Families // Population Research and Policy Review, vol. 35, no 1, pp. 1–21. DOI: 10.1007/s11113-015-9375-8
- Caldwell J. (1982) Theory of Fertility Decline, New York: Academic press.
- Cherlin A. (1991) On Analyzing Other People’s Data // Developmental Psychology, vol. 27, no 6, pp. 946–948.
- Eickmeyer K.J., Manning W.D. (2018) Serial Cohabitation in Young Adulthood: Baby Boomers to Millennials // Journal of Marriage and Family, vol. 80, no 4, pp. 826–840. DOI: 10.1111/jomf.12495
- Esping-Andersen G., Billari F.C. (2015) Re-theorizing Family Demographics // Population and Development Review, vol. 41, no 1, pp. 1–31. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2015.00024.x
- Frejka T., Calot G. (2001) Cohort Reproductive Patterns in Low-Fertility Countries // Population and Development Review, vol. 27, no 1, pp. 103–132. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2001.00103.x
- Frejka T., Sardon J.P. (2004) Fertility in Austria: Past, Present and the Near Future // Vienna Yearbook of Population Research, vol. 2, pp. 35–56. DOI: 10.1553/populationyearbook2004s35
- Frejka T., Sardon J.P. (2007) Cohort Birth Order, Parity Progression Ratio and Parity Distribution Trends in Developed Countries // Demographic Research, vol. 16, no 11, pp. 315–374. DOI: 10.4054/DemRes.2007.16.11
- Frejka T., Sobotka T. (2008) Overview Chapter 1: Fertility in Europe: Diverse, Delayed and Below Replacement // Demographic Research, vol. 19, pp. 15–46.
- Goldscheider F., Bernhardt E., Lappegård T. (2015) The Gender Revolution: A Framework for Understanding Changing Family and Demographic Behavior // Population and Development Review, vol. 41, no 2, pp. 207–239. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2015.00045.x
- Goldstein J., Lutz W., Testa M.R. (2003) The Emergence of Sub-replacement Family Size Ideals in Europe // Population Research and Policy Review, vol. 22, no 5–6, pp. 479–496. DOI: 10.1023/B:POPU.0000020962.80895.4a
- Guzzo K.B. (2014) Trends in Cohabitation Outcomes: Compositional Changes and Engagement among Never-Married Young Adults // Journal of Marriage and Family, vol. 76, no 4, pp. 826–842. DOI: 10.1111/jomf.12123
- Hobcraft J., Menken J., Preston S. (1985) Age, Period, and Cohort Effects in Demography: A Review // Cohort Analysis in Social Research (eds. Mason W.M., Fienberg S.E.), New York: Springer, pp. 89–135.

- Kohler H.P., Billari F.C., Ortega J.A. (2002) The Emergence of Lowest-Low Fertility in Europe during the 1990s // *Population and Development Review*, vol. 28, no 4, pp. 641–680. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2002.00641.x
- Kravdal Ø. (1996) How the Local Supply of Day-Care Centers Influences Fertility in Norway: A Parity-Specific Approach // *Population Research and Policy Review*, vol. 15, no 3, pp. 201–218. DOI: 10.1007/BF00127049
- Lamidi E.O., Manning W.D., Brown S.L. (2019) Change in the Stability of First Premarital Cohabitation among Women in the United States, 1983–2013 // *Demography*, vol. 56, no 2, pp. 427–450. DOI: 10.1007/s13524-019-00765-7
- Lesthaeghe R.J. (2001) Postponement and Recuperation: Recent Fertility Trends and Forecasts in Six Western European Countries, IPD Working Paper 2001-1, Interface Demography, VU Brussel.
- Lesthaeghe R. (2010) The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // *Population and Development Review*, vol. 36, no 2, pp. 211–251. DOI: 10.2307/25699059
- Lesthaeghe R. (2014) The Second Demographic Transition: A Concise Overview of Its Development // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 111, no 51, pp. 18112–18115. DOI: 10.1073/pnas.1420441111
- Lesthaeghe R., Neels K. (2002) From the First to the Second Demographic Transition: An Interpretation of the Spatial Continuity of Demographic Innovation in France, Belgium, and Switzerland // *European Journal of Population / Revue européenne de démographie*, vol. 18, no 4, pp. 325–360.
- Lesthaeghe R., van de Kaa D.J. (1986) Two Demographic Transitions // *Population: Growth and Decline* (eds. van de Kaa D.J., Lesthaeghe R.), pp. 9–24.
- Lutz W. (2008) Has Korea's Fertility Reached the Bottom? // *Asian Population Studies*, vol. 4, no 1, pp. 1–4. DOI: 10.1080/17441730801963110
- Lutz W., Skirbekk V., Testa M.R. (2006) The Low-fertility Trap Hypothesis: Forces That May Lead to Further Postponement and Fewer Births in Europe // *Vienna Yearbook of Population Research*, vol. 4, pp. 167–192. DOI: 10.1553/populationyearbook2006s167
- McDonald P., Kippen R. (2011) *Forecasting Births*, Canberra: Australian Bureau of Statistics.
- Morgan S.P., Rindfuss R.R. (1999) Reexamining the Link of Early Childbearing to Marriage and to Subsequent Fertility // *Demography*, vol. 36, no 1, pp. 59–75.
- Namboodiri N.K. (1972) Some Observations on the Economic Framework for Fertility Analysis // *Population Studies*, vol. 26, no 2, pp. 185–206. DOI: 10.1080/00324728.1972.10405545
- Nathan M., Pardo I. (2019) Fertility Postponement and Regional Patterns of Dispersion in Age at First Birth: Descriptive Findings and Interpretations // *Comparative Population Studies*, vol. 44, pp. 37–60. DOI: 10.12765/CPoS-2019-08en
- Neels K., Theunynck Z., Wood J. (2013) Economic Recession and First Births in Europe: Recession-Induced Postponement and Recuperation of Fertility in 14 European Countries between 1970 and 2005 // *International Journal of Public Health*, vol. 58, no 1, pp. 43–55. DOI: 10.1007/s00038-012-0390-9
- Ní Bhrolcháin M., Toulemon L. (2005) Does Postponement Explain the Trend to Later Childbearing in France? // *Vienna Yearbook of Population Research*, pp. 83–107.
- Reher D.S. (1998) Family Ties in Western Europe: Persistent Contrasts // *Population and Development Review*, vol. 24, no 2, pp. 203–234. DOI: 10.2307/2807972
- Rijken A.J., Liefbroer A.C. (2009) Influences of the Family of Origin on the Timing and Quantum of Fertility in the Netherlands // *Population Studies*, vol. 63, no 1, pp. 71–85. DOI: 10.1080/00324720802621575
- Rindfuss R.R., Morgan S.P., Swicegood C. (1998) *Gray First Births in America: Changes in the Timing of Parenthood*, Berkeley: University of California Press.
- Ryder R.A. (1965) A Method for Estimating the Potential Fish Production of North-Temperate Lakes // *Transactions of the American Fisheries Society*, vol. 94, no 3, pp. 214–218.
- Sobotka T. (2004) *Postponement of Childbearing and Low Fertility in Europe*, Amsterdam: Dutch University Press.

- Sobotka T. (2010) Shifting Parenthood to Advanced Reproductive Ages: Trends, Causes and Consequences // A Young Generation under Pressure? Berlin, Heidelberg: Springer, pp. 129–154.
- Sobotka T. (2017) Childlessness in Europe: Reconstructing Long-Term Trends among Women Born in 1900–1972 // Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences (eds. Kreyenfeld M., Konietzka D.), Springer, Cham, pp. 17–53.
- Sobotka T., Lutz W. (2010) Misleading Policy Messages Derived from the Period TFR: Should We Stop Using It? // Comparative Population Studies, vol. 35, no 3, pp. 637–664. DOI: 10.12765/CPoS-2010-15
- Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011a) Economic Recession and Fertility in the Developed World // Population and Development Review, vol. 37, no 2, pp. 267–306. DOI: 10.2307/23043283
- Sobotka T., Zeman K., Lesthaeghe R., Frejka T. (2011b) Postponement and Recuperation in Cohort Fertility: Austria, Germany and Switzerland in a European Context // Comparative Population Studies, vol. 36, no 2–3, pp. 417–452. DOI: 10.4232/10.CPoS-2011-10en
- Šprocha B., Tišliar P., Šídlo L. (2018) A Cohort Perspective on the Fertility Postponement Transition and Low Fertility in Central Europe // Moravian Geographical Reports, vol. 26, no 2, pp. 109–120. DOI: 10.2478/mgr-2018-0009
- Thévenon O., Gauthier A.H. (2011) Family Policies in Developed Countries: A ‘Fertility-Booster’ with Side-effects // Community, Work & Family, vol. 14, no 2, pp. 197–216. DOI: 10.1080/13668803.2011.571400
- Van de Kaa D.J. (1987) Europe’s Second Demographic Transition // Population Bulletin, vol. 42, no 1, pp. 1–59.
- Wilson C. (2013) Thinking about Post-Transitional Demographic Regimes: A Reflection // Demographic Research, vol. 28, art. 46, pp. 1373–1388. DOI: 10.4054/DemRes.2013.28.46

The Dynamics of Motherhood Entry in Modern Russia

A.O. MAKARENTSEVA*

***Alla O. Makarentseva** – PhD in Economics, Leading Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, makarentseva-ao@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0091-7532>

Citation: Makarentseva A.O. (2022) The Dynamics of Motherhood Entry in Modern Russia. *Mir Rossii*, vol. 31, no 1, pp. 162–182 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-162-182

Abstract

This article investigates the dynamics of motherhood entry in the context of the global transformation of demographic behavior. The study is situated within the broader context of societal value change, declining fertility, and rising rates of childlessness, which challenge national demographic policies. I open with a description of the modern theoretical and methodological framework of fertility research. I then discuss the current demographic trends

The article was supported by the Russian Ministry of Science and Higher Education, grant № 075-15-2020-908.

The article was received in July 2020.

based on calendar and cohort approaches to fertility calculation. The synthesis of these approaches allows for the identification of long-term factors of reproductive behavior, such as large-scale changes in lifestyle from generation to generation, and short-term shocks. I show that first births are now declining at the ages of their maximum intensity (20-29). Delayed fertility among women over 30 intensified until 2016 and has slowed down since. Further analysis shows that for cohorts born 1970-79 childbearing was more frequently postponed, and less intensive catch-up fertility led to relatively low total fertility rates. In cohorts born 1980-89, the rate of postponement was moderate, and the efficiency of catching up was relatively high. High rates of postponement are expected in cohorts born in 1990 or later. This makes future declines in the total fertility rate all the more likely. I predict the growth of childlessness in generations of Russian women born in 1980-1990. I also point out the further diversification of reproductive behaviors, in particular, the rising heterogeneity at the age of first birth, which is a peculiar trend when compared to other countries. The analysis is based on data from "The Human Fertility Database" project. The analysis covering 2014 and beyond is based on annual tables on the Natural Population Movement by Rosstat.

Keywords: fertility, first births, childlessness, delayed births, postponement transition, cohort fertility

References

- Balbo N., Billari F.C., Mills M. (2013) Fertility in Advanced Societies: A Review of Research. *European Journal of Population*, vol. 29, no 1, pp. 1–38. DOI: 10.1007/s10680-012-9277-y
- Becker H.A. (1992) A Pattern of Generations and Its Consequences. *Dynamics of Cohort and Generations Research* (ed. Becker H.A.), Amsterdam: Thesis Publishers, pp. 221–222.
- Bosveld W. (1996) *The Ageing of Fertility in Europe: A Comparative Demographic-Analytic Study*, Purdue University Press.
- Bremhorst V., Kreyenfeld M., Lambert P. (2019) Nonparametric Double Additive Cure Survival Models: An Application to the Estimation of the Non-Linear Effect of Age at First Parenthood on Fertility Progression. *Statistical Modelling*, vol. 19, no 3, pp. 248–275. DOI: 10.1177/1471082X18784685
- Brown S.L., Manning W.D., Payne K.K. (2016) Family Structure and Children's Economic Well-Being: Incorporating Same-sex Cohabiting Mother Families. *Population Research and Policy Review*, vol. 35, no 1, pp. 1–21. DOI: 10.1007/s11113-015-9375-8
- Caldwell J. (1982) *Theory of Fertility Decline*, New York: Academic press.
- Cherlin A. (1991) On Analyzing Other People's Data. *Developmental Psychology*, vol. 27, no 6, pp. 946–948.
- Eickmeyer K.J., Manning W.D. (2018) Serial Cohabitation in Young Adulthood: Baby Boomers to Millennials. *Journal of Marriage and Family*, vol. 80, no 4, pp. 826–840. DOI: 10.1111/jomf.12495
- Esping-Andersen G., Billari F.C. (2015) Re-theorizing Family Demographics. *Population and Development Review*, vol. 41, no 1, pp. 1–31. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2015.00024.x
- Federal Law No. 35-FZ of 01.03.2020 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Issues Related to the Disposal of Maternity (Family) Capital Funds" (2020). *KonsultantPlus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346665/, accessed 25.05.2021 (in Russian).
- Frejka T., Calot G. (2001) Cohort Reproductive Patterns in Low-Fertility Countries. *Population and Development Review*, vol. 27, no 1, pp. 103–132. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2001.00103.x

- Frejka T., Sardon J.P. (2004) Fertility in Austria: Past, Present and the Near Future. *Vienna Yearbook of Population Research*, vol. 2, pp. 35–56. DOI: 10.1553/populationyearbook2004s35
- Frejka T., Sardon J.P. (2007) Cohort Birth Order, Parity Progression Ratio and Parity Distribution Trends in Developed Countries. *Demographic Research*, vol. 16, no 11, pp. 315–374. DOI: 10.4054/DemRes.2007.16.11
- Frejka T., Sobotka T. (2008) Overview Chapter 1: Fertility in Europe: Diverse, Delayed and Below Replacement. *Demographic Research*, vol. 19, pp. 15–46.
- Frejka T., Zakharov S.V. (2014) The Evolution of Fertility in Russia over Half a Century: Optics of Conditional and Real Generations. *Demographic Review*, vol. 1, no 1, pp. 106–143 (in Russian).
- Goldscheider F., Bernhardt E., Lappegård T. (2015) The Gender Revolution: A Framework for Understanding Changing Family and Demographic Behavior. *Population and Development Review*, vol. 41, no 2, pp. 207–239. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2015.00045.x
- Goldstein J., Lutz W., Testa M.R. (2003) The Emergence of Sub-replacement Family Size Ideals in Europe. *Population Research and Policy Review*, vol. 22, no 5–6, pp. 479–496. DOI: 10.1023/B:POPU.0000020962.80895.4a
- Guzzo K.B. (2014) Trends in Cohabitation Outcomes: Compositional Changes and Engagement among Never-Married Young Adults. *Journal of Marriage and Family*, vol. 76, no 4, pp. 826–842. DOI: 10.1111/jomf.12123
- Hobcraft J., Menken J., Preston S. (1985) Age, Period, and Cohort Effects in Demography: A Review. *Cohort Analysis in Social Research* (eds. Mason W.M., Fienberg S.E.), New York: Springer, pp. 89–135.
- Kohler H.P., Billari F.C., Ortega J.A. (2002) The Emergence of Lowest-Low Fertility in Europe during the 1990s. *Population and Development Review*, vol. 28, no 4, pp. 641–680. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2002.00641.x
- Kravdal Ø. (1996) How the Local Supply of Day-Care Centers Influences Fertility in Norway: A Parity-Specific Approach. *Population Research and Policy Review*, vol. 15, no 3, pp. 201–218. DOI: 10.1007/BF00127049
- Lamidi E.O., Manning W.D., Brown S.L. (2019) Change in the Stability of First Premarital Cohabitation among Women in the United States, 1983–2013. *Demography*, vol. 56, no 2, pp. 427–450. DOI: 10.1007/s13524-019-00765-7
- Lesthaeghe R.J. (2001) *Postponement and Recuperation: Recent Fertility Trends and Forecasts in Six Western European Countries*, IPD Working Paper 2001-1, Interface Demography, VU Brussel.
- Lesthaeghe R. (2010) The Unfolding Story of the Second Demographic Transition. *Population and Development Review*, vol. 36, no 2, pp. 211–251. DOI: 10.2307/25699059
- Lesthaeghe R. (2014) The Second Demographic Transition: A Concise Overview of Its Development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 111, no 51, pp. 18112–18115. DOI: 10.1073/pnas.1420441111
- Lesthaeghe R., Neels K. (2002) From the First to the Second Demographic Transition: An Interpretation of the Spatial Continuity of Demographic Innovation in France, Belgium, and Switzerland. *European Journal of Population / Revue européenne de démographie*, vol. 18, no 4, pp. 325–360.
- Lesthaeghe R., van de Kaa D.J. (1986) Two Demographic Transitions. *Population: Growth and Decline* (eds. van de Kaa D.J., Lesthaeghe R.), pp. 9–24.
- Lutz W. (2008) Has Korea's Fertility Reached the Bottom? *Asian Population Studies*, vol. 4, no 1, pp. 1–4. DOI: 10.1080/17441730801963110
- Lutz W., Skirbekk V., Testa M.R. (2006) The Low-fertility Trap Hypothesis: Forces That May Lead to Further Postponement and Fewer Births in Europe. *Vienna Yearbook of Population Research*, vol. 4, pp. 167–192. DOI: 10.1553/populationyearbook2006s167
- Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. (2006) Socio-economic Fertility Factors in Russia: Empirical Dimensions and Challenges to Social Policy. *SPERO*, no 5, pp. 70–98 (in Russian).
- McDonald P., Kippen R. (2011) *Forecasting Births*, Canberra: Australian Bureau of Statistics.
- Morgan S.P., Rindfuss R.R. (1999) Reexamining the Link of Early Childbearing to Marriage and to Subsequent Fertility. *Demography*, vol. 36, no 1, pp. 59–75.

- Namboodiri N.K. (1972) Some Observations on the Economic Framework for Fertility Analysis. *Population Studies*, vol. 26, no 2, pp. 185–206. DOI: 10.1080/00324728.1972.10405545
- Nathan M., Pardo I. (2019) Fertility Postponement and Regional Patterns of Dispersion in Age at First Birth: Descriptive Findings and Interpretations. *Comparative Population Studies*, vol. 44, pp. 37–60. DOI: 10.12765/CPoS-2019-08en
- Nauen M.S. (2006) Method of Cohort Analysis in Sociology. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii / The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 9, no 3, pp. 137–144 (in Russian).
- Neels K., Theunynck Z., Wood J. (2013) Economic Recession and First Births in Europe: Recession-Induced Postponement and Recuperation of Fertility in 14 European Countries between 1970 and 2005. *International Journal of Public Health*, vol. 58, no 1, pp. 43–55. DOI: 10.1007/s00038-012-0390-9
- Ní Bhrolcháin M., Toulemon L. (2005) Does Postponement Explain the Trend to Later Childbearing in France? *Vienna Yearbook of Population Research*, pp. 83–107.
- Reher D.S. (1998) Family Ties in Western Europe: Persistent Contrasts. *Population and Development Review*, vol. 24, no 2, pp. 203–234. DOI: 10.2307/2807972
- Rijken A.J., Liefbroer A.C. (2009) Influences of the Family of Origin on the Timing and Quantum of Fertility in the Netherlands. *Population Studies*, vol. 63, no 1, pp. 71–85. DOI: 10.1080/00324720802621575
- Rindfuss R.R., Morgan S.P., Swicegood C. (1998) *Gray First Births in America: Changes in the Timing of Parenthood*, Berkeley: University of California Press.
- Ryder R.A. (1965) A Method for Estimating the Potential Fish Production of North-Temperate Lakes. *Transactions of the American Fisheries Society*, vol. 94, no 3, pp. 214–218.
- Sinyavskaya O.V., Tyndik A.O. (2009) Fertility in Modern Russia: from Plans to Actions. *Parents and Children, Men and Women in the Family and Society*. Issue 2, Moscow: NISP, pp. 9–44 (in Russian).
- Sobotka T. (2004) *Postponement of Childbearing and Low Fertility in Europe*, Amsterdam: Dutch University Press.
- Sobotka T. (2010) Shifting Parenthood to Advanced Reproductive Ages: Trends, Causes and Consequences. *A Young Generation under Pressure?* Berlin, Heidelberg: Springer, pp. 129–154.
- Sobotka T. (2017) Childlessness in Europe: Reconstructing Long-Term Trends among Women Born in 1900–1972. *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences* (eds. Kreyenfeld M., Konietzka D.), Springer, Cham, pp. 17–53.
- Sobotka T., Lutz W. (2010) Misleading Policy Messages Derived from the Period TFR: Should We Stop Using It? *Comparative Population Studies*, vol. 35, no 3, pp. 637–664. DOI: 10.12765/CPoS-2010-15
- Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011a) Economic Recession and Fertility in the Developed World. *Population and Development Review*, vol. 37, no 2, pp. 267–306. DOI: 10.2307/23043283
- Sobotka T., Zeman K., Lesthaeghe R., Frejka T. (2011b) Postponement and Recuperation in Cohort Fertility: Austria, Germany and Switzerland in a European Context. *Comparative Population Studies*, vol. 36, no 2–3, pp. 417–452. DOI: 10.4232/10.CPoS-2011-10en
- Šprocha B., Tišliar P., Šídlo L. (2018) A Cohort Perspective on the Fertility Postponement Transition and Low Fertility in Central Europe. *Moravian Geographical Reports*, vol. 26, no 2, pp. 109–120. DOI: 10.2478/mgr-2018-0009
- Thévenon O., Gauthier A.H. (2011) Family Policies in Developed Countries: A ‘Fertility-Booster’ with Side-effects. *Community, Work & Family*, vol. 14, no 2, pp. 197–216. DOI: 10.1080/13668803.2011.571400
- Tyndik A.O., Mitrofanova E.S. (2014) Socioeconomic Behavior of the Individual in the Mirror of the Concept of the Life Path. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 3(121), pp. 146–158 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.10
- Van de Kaa D.J. (1987) Europe’s Second Demographic Transition. *Population Bulletin*, vol. 42, no 1, pp. 1–59.
- Wilson C. (2013) Thinking about Post-Transitional Demographic Regimes: A Reflection. *Demographic Research*, vol. 28, art. 46, pp. 1373–1388. DOI: 10.4054/DemRes.2013.28.46